

21154

© 2002 г.

Е.С. БАЛАБАНОВА

О КОМПЛЕКСНОМ ХАРАКТЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Нижегородского государственного университета

Сегодня для российской социологии характерны поиски путей развития, в которых участвуют все без исключения социологи. Эти поиски осуществляются каждым исследователем, приступающим к новому проекту. Любой из нас, планируя свои научные исследования, должен решить для себя, по крайней мере, три важнейших вопроса: 1) определиться с типом исследования и его целью (“что хотим получить на выходе?”); 2) какие методы использовать; 3) какие новые темы развивать. Ниже я попытаюсь представить свой взгляд на эти три проблемы.

1. Типы исследований. Прежде всего, усомнюсь в актуальности причисления себя сегодня либо к “теоретикам”, либо к “эмпирикам”. Безусловно, разделение исследований на теоретические/эмпирические; фундаментальные/прикладные; описательные/объяснительные должно присутствовать в

учебниках по социологии, чтобы ориентировать студентов. Однако буквальное применение такого разделения на практике неизбежно влечет за собой узость исследовательского подхода. На мой взгляд, мы должны стремиться сочетать теоретические и эмпирические, описательные и объяснительные подходы в любом конкретном исследовании.

“Теоретики”: самодовлеющее значение артефактов. Не стану дебатировать вопрос, существует ли в России теоретическая социология. Обращаю внимание лишь на то, что в так называемых “теоретических” социологических исследованиях нередко целью ставится не изучение социальной реальности как таковой, а декларирование своей приверженности определенным научным школам. Этим грешит достаточно большое количество социологов, всецело посвятивших себя изучению интеллектуального наследия классиков социальной мысли. Неудивительно, что это в определенном смысле комфортная ниша: не надо “ходить в поле”; достаточно отлажен процесс отслеживания выхода новых публикаций и переводов; ссылка на авторитет классиков, казалось бы, даже не требует своей проверки на эмпирическом материале.

В результате “кабинетная социология” нередко превращается в игру с терминами: задача описания и причинно-следственного объяснения исследовательского объекта подменяется лингвистическими упражнениями. Так, например, весьма сомнительно приращение наших знаний о социальной реальности через описание ее в искусственно усложненных терминах вроде “системы подмножеств множества всех явлений социального мира, когда объединение и пересечение любого числа подмножеств будет принадлежать данной системе”; “дискретного проявления континуума социальных отношений”; “фигуративности государства”; “трансформации имплицитных практических схем в эксплицитные категории социальной перцепции” и т.п. Безусловно, изобретение “своего” языка – важнейший элемент профессиональной идентификации социологов и средство ограждения от “профанов”. Однако

увлеченность исследователей гиперкатегоризацией чаще наводит на мысль о неспособности дать объяснение окружающему миру в простых, понятных и проверяемых формулах.

Кроме того, кабинетная (читай: теоретическая) социология порой неотделима от социальной философии, что, в свою очередь, ставит проблему границ социологического знания. В этой связи мне кажется вполне обоснованным радикальное утверждение Н.И. Лапина на прошлых “Харчевских чтениях” о том, что обязательным критерием принадлежности к “цеху” социологов должно быть систематическое проведение собственных социологических исследований [1].

“Эмпирики”: “сосчитать, но не объяснить”. Хотя в настоящее время трудно кого-либо удивить умением составить анкету, провести опрос и сделать простейшую обработку данных, среди значительного количества социологов по-прежнему наблюдается стремление прикрыть свое неумение объяснить социальную реальность таблицами, графиками и процентами. В последнее время, в связи с распространением популярности качественных методов исследований, та же картина наблюдается и с результатами интервью и наблюдений: нередко ситуации, когда более половины объема научных статей занимают выдержки из интервью. В особенности провинциализм социолога проявляется опросами на малых, нерепрезентативных выборках.

“Гиперэмпиризм” страдает неспособностью объяснить социальную реальность, вызванной незнанием либо неумением применять теоретические схемы. Эта ситуация в последнее время беспокоит отечественных социологов. Так, ставится проблема слабой систематизированности эмпирических исследований, которые актуализировали разработку релевантных теоретических схем [2]. Действительно, даже в отношении данных, собранных по всем канонам социологического исследования, характерна ситуация, когда мы накапливаем большие базы данных, не успеваем их аналитически “переварить” и они, к сожалению, быстро устаревают.

“Фундаментальное” или “прикладное” исследование? На мой взгляд, неправомерно сегодня их разделять. Каждое исследование должно стремиться сочетать оба компонента. В противном случае мы уподобляемся тем “великим теоретикам” из естественных наук, которые проявляют непонимание реально существующих потребностей рынка. Мои коллеги – сотрудники Регионального центра по международному научному и технологическому сотрудничеству Нижегородского университета – отмечают, что нередки ситуации, когда научные коллективы, оформляя заявку на финансирование проектов, заявляют узкотеоретические темы вроде “изучения структуры ионных решеток”, а на вопрос западных экспертов о практической значимости данного проекта отвечают общими фразами о том, что “в дальнейшем результаты проекта могут быть коммерциализированы”. Собственно, теми же болезнями болеет и мы, социологи. На мой взгляд, сегодня мы преимущественно занимаемся описанием социальной реальности. При этом мы вынуждены признать, что с этой задачей гораздо лучше нас справляются журналисты и публицисты – их произведения, хотя далеко не всегда отличающиеся глубиной анализа, в отличие от наших, читабельны, ориентированы не столько на пополнение собственного списка публикаций, сколько на человека, который берет в руки статью (книгу). Мы же, увы, часто прикрываем свою бесполезность для широкого читателя выдуманными нами же малопонятными категориями или голыми цифрами.

Таким образом, сегодня социологическое сообщество работает, к сожалению, прежде всего, на внутреннее потребление. Мы предпочитаем быть “широко известными в своем узком кругу”, чем спуститься до интересов и потребностей массовой аудитории. На мой взгляд, о ценности наших исследований можно говорить лишь тогда, когда их результатами может воспользоваться широкая общественность. Пока что мы “выходим в люди” только через образовательную деятельность и предвыборные опросы, в меньшей степени – через маркетинговые исследования (замечу при этом, что все три

упомянутых вида деятельности вовсе не предполагают обязательного проведения научных исследований – речь идет, скорее, о накопленном багаже общетеоретических знаний либо об инструментарии, разработанном социологами). Случаи же практического применения результатов исследований можно перечислить буквально по пальцам.

Данное обстоятельство давно уже отмечено фондами, финансирующими научные проекты. В условиях конкурсов они подталкивают нас к выбору “практически ориентированных” тем, вводя в формы заявок специальные блоки вроде “Практическая значимость исследования”. Из этой ситуации мы изящно выкручиваемся, прибегая к общим фразам: “возможность использования результатов в работе служб системы социальной защиты”, “представление аналитических записок для лиц, принимающих решения”, и т.п. Однако и здесь мы попадаем в ловушки “научообразности”, часто не понимая, что практикам нужна конкретная программа действий (с указанием сроков, исполнителей, бюджета и источников финансирования), но ни в коем случае не декларации типа “поддержка независимых стратегий жизнеобеспечения населения”.

2. Методы исследований. Болезнью российского социологического сообщества можно считать само наличие противостояния “качественников” и “количественников” [3]. Но даже признавая право на существование обоих подходов в эмпирическом исследовании, большинство исследователей продолжают оставаться убежденными приверженцами какой-либо одной из стратегий. Собственно, это мало меняет ситуацию, поскольку и здесь намечаются перекосы, одностороннее восприятие социальной реальности.

“Качественники”: увлечение описанием. Поскольку мне самой приходилось работать в этой парадигме, могу подтвердить, насколько «затягивает» исследователя подробное описание некой уникальной жизненной ситуации или отдельно взятого предприятия. Конечно, в этом случае возникает противоречие между нашим ценностно-эмоциональным восприятием исследуемого

объекта и научными задачами исследования. Читая статьи коллег, работающих в качественной парадигме, я нередко ловлю себя на мысли, что статья-повествование ничего не добавляет в мое понимание заявленной темы, не содержит новых идей, неспособна что-либо объяснить.

Данное противоречие, на мой взгляд, разрешается известным утверждением, что атрибутом социологической теории издавна являлось, все же, стремление к квантификации процессов и явлений. Если выводы, которые мы делаем по результатам анализа данных интервью, невозможно перевести в количественные индикаторы и проверить на репрезентативных выборках, это должно служить для нас предупреждающим сигналом о том, что мы скатываемся к псевдонаучности и описательности.

“Количественники”: самодостаточность цифр. Пожалуй, о недостатках количественных методов как таковых в зарубежной и отечественной литературе сказано достаточно. Одна из последних дискуссий на страницах “Социологических исследований” как раз была посвящена необоснованной тотальной математизации социальных процессов, уходу от объяснения социальной реальности к поиску числовых закономерностей ее функционирования [4].

С другой стороны, хотя большинство “практикующих социологов” продолжают маркировать себя “количественниками”, крайне слабое использование арсенала математических методов и непрофессионализм в данной сфере (нестрогость выборок, неадекватные индикаторы) стали предметом пристального внимания [5]. Это, на мой взгляд, объясняется гуманитарными корнями большинства социологов, в особенности среднего и старшего поколения. Проблема, увы, состоит в том, что именно эти специалисты сегодня являются преподавателями вузов, поэтому низкий уровень математической культуры сегодня воспроизводится даже среди студентов, получающих социологическое образование. Другим объяснением настоящего положения вещей является дороговизна лицензионных пакетов программ для обработки

социологических данных и соответствующих курсов обучения. Эта проблема, опять же, в наибольшей степени остро стоит в провинциальных вузах. Показателем высокого интереса к математическим методам является стабильно большое число желающих попасть на курсы А. Крыштановского “Возможности пакета программ SPSS для обработки социологической информации” в Центре социологического образования Института социологии РАН.

Реальный шанс для нестоличных университетов улучшить положение вещей в данной сфере – это участие в международных проектах. Например, признание значимости математических методов в социальных науках выражено в участии нескольких факультетов Нижегородского университета в программе TEMPUS-TACIS “Статистика для нужд региона”, в рамках которого осуществляются зарубежные стажировки молодых преподавателей в университетах Дании и Италии для разработки учебных курсов, закупается оборудование и программное обеспечение для компьютерных классов.

В целом же, достижение комплексности социологического исследования возможно лишь при сочетании “мягких” и “жестких” методик сбора и анализа данных. Мой опыт участия в подобного рода проектах свидетельствует о перспективности такого совмещения. Так, межрегиональный исследовательский проект “Совладающее поведение в постсоветской России: экономические и социальные стратегии андекласса” под руководством В.В. Радаева включал в себя три этапа сбора данных: серия углубленных интервью; через полгода – массовый опрос; еще через полгода – вторая серия углубленных интервью с теми же респондентами, что и год назад. В результате мы получили “объемную” картину стратегий совладания с жизненными трудностями. Сочетание индуктивной и дедуктивной логик исследования позволило нам выработать “качественное” понимание стратегий, наполнить их конкретными действиями, интерпретациями и переживаниями респондентов, а также дать им количественную оценку и выявить путем многомерного анализа данных

сформировавшиеся типы стратегий и респондентов, которые их осуществляют [6-9].

Другим примером взаимодополняемости качественных и количественных методов стал проект “Модернизация пищеперерабатывающей промышленности путем взаимного трансфера технологий между ЕС, Литвой и Россией” (рук. А.О. Грудзинский). В этом проекте первоначально был проведен массовый опрос руководителей пищеперерабатывающих предприятий Нижегородской области, методами многомерного анализа было выявлено семь внутренне однородных групп предприятий, в том числе две наиболее перспективные для участия в международных программах технической поддержки (эти предприятия составили 14% выборки). Следующим этапом проекта было проведение кейс-стади на трех предприятиях, выбранных из этих двух групп [10, 11].

3. Новые темы. По мнению И.А. Бутенко, тематические изменения, характеризующие тенденции развития современной отечественной социологии, заключаются в сдвиге в сторону субъективности, интересе к “маргиналам”, специфичность новых тем и взглядов на общество обуславливают методологический эклектизм и нечеткость понятий в социологических исследованиях, перенесение акцента с количественных изменений на качественные [12]. Действительно, складывается впечатление, что российская социология 1990-х годов “выпускала пар” вследствие снятия идеологических запретов на выбор тематики, в результате чего на пике популярности оказалась “экзотика” вроде бомжей, работников коммерческого секса, социологии моды и антиквариата. Однако сегодня, по мере насыщения разнообразием, оригинальностью выбранной темы удивить уже трудно. Как мне представляется, одним из магистральных направлений современных социологических исследований является динамика социальных процессов.

Конечно, само по себе это исследовательское направление не ново. Его актуальность выражается сегодня, например, в повышенном интересе к “со-

циологии трансформаций”. Однако особая значимость изучения динамики социальных процессов в транзитивном обществе видится мне в очевидной неспособности локальных узкотематических исследований объяснить макро-процессы, происходящие в современной России. “Социология, в отличие от других наук, не может ограничиться исследованием лишь отдельных социальных образований” [13]: действительно, сегодня наблюдается очевидный разрыв между “макротеоретизированием” и “микроэмпирикой” в исследованиях.

Безусловно, в современной российской социологии есть примеры развивающихся исследовательских тем, в основе которых лежит именно динамика трансформаций. Так, разрабатываемый Н.И. Лапиным социокультурный подход к исследованию российского общества позволяет через призму ценностей населения оценить траектории движения российского общества по оси “либерализация – традиционализация”. Специфика этого подхода, собственно, и состоит в представлении об обществе как некоторой целостности при переходе его от хаотичной дезинтеграции к стабилизации новой упорядоченности [14-17]. Другим интереснейшим, на мой взгляд, исследовательским направлением, позволяющим зафиксировать процессы социальной селекции в системе образования, возможности трансмиссии высокого статуса и восходящей социальной мобильности новых поколений, является изучение системы образования Д.Л. Константиновским [18].

Разумеется, налицо значительные трудности, связанные с реализацией претензий на “комплексное” исследование каждым конкретным ученым. Прежде всего, о динамике социальных процессов, траекториях трансформируемых объектов мы можем говорить, лишь опираясь на результаты серий замеров, проводимых в разное время по сопоставимым методикам. Обеспечить лонгитюдный характер исследований сегодня под силу, пожалуй, лишь представителям сложившихся научных школ, крупных исследовательских коллективов. Современная же российская социология является, прежде всего,

“социологией личностей”, известных либо своими индивидуальными работами, либо исследованиями в составе небольших научных коллективов. Между тем, задача обеспечения комплексности требует серьезной финансовой поддержки, долгосрочного характера самих исследований. Парадоксом здесь является возникающий при этом процесс “накапливания преимуществ” внутри самого социологического сообщества: этим критериям сегодня способны отвечать, прежде всего, столичные исследователи, а также небольшое количество солидных поллстерских фирм, таких как ФОМ или ВЦИОМ. Как не трудно заметить, это вносит вклад в еще большую “провинциализацию” региональных социологов: все меньшее их количество способны самостоятельно осуществить дорогие и организационно сложные опросы по репрезентативным выборкам, тем более всероссийского масштаба.

Характерно и то, что новые исследовательские темы, способные объяснить переход количественных изменений в обществе в качественные, выявить механизмы накапливания преимуществ “верхами” и углубления депривации “низов”, воспроизводство социальных статусов, сегодня выходят за рамки какой-либо одной области исследования. Например, процессы социального исключения в современном российском обществе сегодня находятся в сфере компетенции специалистов по экономической социологии, социологии образования, социальной стратификации. Это ставит вопрос о приемлемости ограничения исследовательских интересов, например, только социологией молодежи (села, религии и т.п.). Более того, многие социальные процессы необъяснимы без глубокого знания истории, экономики, политологии. О справедливости этих выводов я могу судить по растущей популярности междисциплинарных конкурсов научных проектов и образовательных семинаров.

Конечно, было бы верхом наивности претендовать на всеобщее переопределение функций социологического знания и исследовательских задач. Однако комплексность как задача-максимум в проведении исследований, на мой взгляд, должна стимулировать социологов в поиске инновационных, не-

стандартных исследовательских подходов и, в конечном счете, поднимать планку требований для российского социологического сообщества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовский Н.В. Вторые “Харчевские чтения” // Социол. исслед., 2001. № 2. С. 140.
2. Кирдина С.Г. Импорт концепций, прежние подходы или новые самостоятельные теории? // Социол. исслед., 2001. № 8. С. 39.
3. Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная стратегии: эмпирическое исследование как измерение в широком смысле // Социол. исслед., 2000. № 10.
4. Толстова Ю.Н. О системности социологических объектов // Социол. исслед., 2001. № 7.
5. Татарова Г.Г. Математическое моделирование социальных процессов в социологическом образовании // Социол. исслед., 2001. № 8.
6. Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: жизненные трудности и ресурсы из преодоления / Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000.
7. Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология, 2000. Вып. 2. Эл. журнал <http://www.ecsoc.msses.ru>.
8. Балабанова Е.С. Вынужденные мигранты / Маргинальность в современной России. М., 2000.
9. Балабанова Е.С. Типы стратегий совладания с жизненными трудностями / Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.
10. Balabanova E. Classification of Food Processing Industry in Nizhni Novgorod Region: Factor and Cluster Analysis / West/East Technology Transfer in the Context of European Integration: International scientific conference. Kaunas, 2000.

11. Балабанова Е.С., Грудзинский А.О. Институциональные условия трансфера технологий // Социол. исслед., 2001. № 4.
12. Бутенко И.А. Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // Социол. исслед., 2000. № 4. С. 5-9.
13. Фетисов В.Я. Современная социология: соотношение устойчивости и изменчивости / Социология и общество: Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса “Общество и социология: новые реалии и новые идеи”. СПб., 2000. С. 490.
14. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
15. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социол. исслед., 2000. № 7.
16. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3.
17. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии, 2000. № 3 (11).
18. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 60-х годов к 2000-му). М., 1999.